

Анна Стручкова

АЙДАР

Солнце спустилось необычно низко, разрезая юрту на полосы. Золотые лучи прорываются сквозь сомкнутые веки Айдар. Во сне она кажется совсем ребенком, хотя на Сагаалган¹ ей исполнилось двенадцать. Черные глаза в смеющихся щелках, выпуклые яблоки скул и блестящие, точно мокрые, волосы. Как у всех, кто живет здесь, у нее плавные черты, словно их сгладили бесконечные ветра. Холод заползает под волчью шкуру и подбирается к ней. Порыв ветра — и ресницы забились, как крылья бабочки.

Прямо над Айдар открывается огромное и синее до темноты небо. Кажется, оно упало на крышу и рвется внутрь сквозь непонятные прорехи. Ветер поднимает челку Айдар. Она оглядывается, не узнавая собственного дома. Оюна, любимой лайки ее отца, нигде нет. Постукивают подвешенные к потолку деревянные фигурки. В очаге еще светятся остывающие угли, розовые, как новорожденные мышата. На полу темнеют в беспорядке брошенные шкуры, желтеет рассыпанное зерно. Неожиданно слышится треск — небо съело еще один кусок крыши. В открывшемся отверстии появляется женщина, обмотанная платком до самых глаз. Она торопливо взрезает волосяные веревки и снимает шкуры. Айдар вскакивает и протягивает к ней руки.

— Что ты делаешь? — от ужаса ее крик превращается в шепот. Женщина вздрагивает и, не отвечая, продолжает быстро работать ножом. Айдар выбегает из юрты и видит соседского мальчика, который играет с большим луком. Целясь в разные стороны, он едва удерживает лук в руках. Из-за спины у него выглядывает оперение

¹ Сагаалган (другие названия — Цагалган или Цагансара — «белый месяц») — один из наиболее известных праздников монголоязычных народов, который приурочивается к началу Нового года по старинному монгольскому солнечно-лунному календарю. Название происходит от слова «Сагаан» — белый. Сагаалган в старину считался праздником молочных продуктов и отмечался осенью. Один из потомков — держателей трона Чингис-хана перенес время празднования Нового года с осени на конец зимы.

стрел. Айдар узнает знакомый рисунок на луке и как кошка, бросается к мальчику:

— Это мой лук!

Мальчик уворачивается и убегает вверх по улусу¹, высоко подбрасывая ноги в мягких растрепанных унтах. Айдар бежит вслед за ним по острым камням и быстро нагоняет — тяжелый лук мешает ему бежать, а колчан бьет по ногам. Но в последний момент он ныряет в одну из юрт. Айдар хочет вбежать за ним, но навстречу ей выходит женщина и загораживает собой вход.

— Нимасу, твой сын... взял мой лук, — Айдар громко дышит.

Женщина вглядывается в ее лицо и вдруг склоняется перед ней до земли. Ничего не понимая, Айдар повторяет:

— Отдай мне его... Это лук моего отца. Нимасу быстро шепчет, не поднимая головы:

— Прости его. Оставь лук Шоно, он скоро вырастет и станет хорошим охотником. Будет приносить тебе богатые жертвы.

— Жертвы? Мне? — Айдар удивленно смотрит на Нимасу.

Не говоря ни слова, женщина склоняется еще ниже, так что косы касаются земли, сзади настороженно выглядывает Шоно, крепко сжимая в руках лук.

Айдар поворачивается и медленно спускается к своей юрте. Из-под ее ног скатываются камешки. Восходящее солнце слепит глаза, но ей видно, как в юртах едва заметно расходятся шкуры, отодвигаются деревянные двери и из щелочек смотрят чьи-то глаза. Улус замер, точно затаившийся в засаде зверь.

Пока ее не было, с юрты сорвали оставшиеся шкуры. Связанные вверху стволы напоминают обглоданный скелет. Айдар подходит ближе и видит, как из ее жилища, согнувшись, двое мальчишек уносят тяжелый таган.

— Эй! Как вы смеете? — кричит им Айдар. Они бросают таган, он громко бряцает о камни и переворачивается.

Айдар заходит в юрту и видит, что внутри непривычно опустело. По зуун-тала² словно тень бродит глухонемая Чимит с подвезанным к груди ребенком, ковыряя палкой то, что лежит на земляном

¹ Улус (*бурят.*) — селение.

² Зуун-тала (*бурят.*) — восточная, женская половина юрты, здесь размещались кухня, кладовая.

полу. Баруун-тала¹ пуста; унесли ловушки, ножи и сети. Вытащили все подряд: расшитую отцовскую одежду, унты, деревянные доски. Нетронутой осталась только стена, на которой висят деревянные онгоны². Очаг был раскопан, а угли, разбросанные по сторонам, на глазах покрывались седым пеплом. По гордым щекам Айдар побежали прозрачные капли:

— Оюн! Оюн! — звала она свою лайку, но пес не отзывался. Если бы он был здесь, он бы не позволил разграбить жилище.

Вдруг Айдар почувствовала на плече чью-то руку. Она резко обернулась и увидела старую соседку, неслышно подошедшую сзади. Мэдэг стояла в распахнутой безрукавке, ее косы расплелись и развевались на ветру струйками седых прядей.

— Не плачь по старому очагу. Они пожалеют о том, что сделали, — Мэдэг обняла Айдар.

— Но почему? Что случилось?

— Урхан говорит, что Ламу³ гневается. Во многих улусах сейчас уже некого привязывать к сэргэ⁴ и скоро нечего будет есть. Снова будет засуха и будет голод. Ламу мало тех жертв, что мы принесли. Он требует избранную жертву.

— Избранную? — как завороченная повторила Айдар и повернулась к Мэдэг. Та кивнула и крепко прижала к себе девочку, словно пытаясь спрятать ее:

— Пять зим назад Ламу выбрал дочь Тумэра. Ее дух вышел к Ламу, и сразу же пошел дождь. Ты помнишь тот тайлаган⁵? — Мэдэг рассеянно смотрела вдаль поверх Айдар, на голубые зубцы гор, видневшиеся с другой стороны Ламу.

¹ Баруун-тала (*бурят.*) — западная, мужская половина юрты.

² Онгон (*бурят.*) — объемное изображение духов-предков в культурной традиции кочевников Центральной Азии.

³ Ламу — древнее название о. Байкал, происходит от эвенкийского «ламу» — море, большая вода.

⁴ Сэргэ (*бурят.*) — коновязь, верх которой украшался резным орнаментом. Сэргэ служил предметом особого почитания и являлся показателем достатка семьи, так как его отсутствие означало безлошадность, бедность.

⁵ Тайлаган (*бурят.*) — традиционный праздник чествования богов, в ходе которого совершались жертвоприношения. Главное их назначение — просьба у богов, эжинов благополучного года, урожая, травостоя, умножения скота, счастья в семьях, избежания бед и несчастий. Неучастие в тайлагане считалось нарушением традиций отцов и дедов, оскорблением бога, хозяина, поэтому он мог наказать такую семью, послав болезни или разные беды.

— Нет, аба¹ запретил мне приходиться... Кого же выбрал Ламу? — испуганно спросила Айдар.

Мэдэг осторожно коснулась ее черных кос.

— Он выбрал... меня?! — глаза Айдар широко раскрылись, она обернулась к Ламу, словно ожидая ответа. Освобожденный от ледяного плена Ламу бесновался и вздымал волны, похожие на скалы. Ледяные глыбы поднимались и опадали вниз.

— Ты станешь свободной, станешь тэнгри² — избранницей неба, — прошептала Мэдэг. — Я рада за тебя... Там, куда ты попадешь, не будет ни голода, не болезней, ни смерти, — на глазах Мэдэг выступили слезы.

— Почему же ты плачешь? — спросила Айдар.

— Я буду грустить без тебя. Я не шаманка и не смогу видаться с тобой. Но ты, ты будешь счастлива там... — Мэдэг показала на небо.

— Что со мной будет? — губы Айдар дрожали. Мэдэг погладила ее по голове шершавой рукой:

— Ты проведешь ночь молчания в Пещере Предков, а утром следующего дня Урхан отпустит твой дух. Это будет на вершине, а вон там внизу, — Мэдэг показала рукой на берег, — тебя будет ждать лодка для путешествия к Ламу.

Раздался звук оленьего рога Урхана, сотрясающий горы.

Звук был низким, пугающе необычным, словно пещера вдруг ожила и обрела голос. Это был голос Урхана, склонившегося над ней. Он пел прощальную песню. Страх медленно вливался внутрь Айдар. В пляшущем свете сальной свечи стены пещеры оживали и как будто двигались к ней. Фигурки на кожаных шнурках покачивались у самого ее лица. Человечек, волк, орел и медведь сталкивались от движений Урхана. Айдар никогда не видела шамана так близко, и теперь его тяжелое дыхание, смешиваясь с вязью заклинаний, накрывало ее мрачным саваном.

Лицо Урхана походило на маску: черные прорези глаз, поднятые вверх углы бровей. Он то приближался, то отстранялся, не замечая Айдар, словно она превратилась в камень. Рыгсыл, молодой помощник

Урхана, держал копящую чашу с извивающимся языком пламени. В его круглых глазах прыгали беспокойные отсветы. Он тоже не смотрел на Айдар, следя за каждым жестом шамана. Острым костяным ножом Урхан вывел на лбу Айдар круг, а внутри прочертил крест. Айдар не чувствовала боли, хотя в рисунке сразу же проступила кровь. По этой метке Айдар узнают и вернут, если она вдруг вздумает бежать. После этого Урхан замолчал, закрыл глаза Айдар своей сухой горячей рукой и провел по губам в знак того, что она должна молчать. Потом встал с колен и молча ушел вместе с Рыгсыллом, унеся с собой огонь.

Еще долгое время Айдар слышала, как щелкали мелкие камни под их ногами. Потом она приоткрыла глаза и некоторое время видела перед собой лишь огненные круги, которые росли, становясь больше ее. Несмотря на то, что в пещере неоткуда было взяться свету, темнота вокруг была не черной, а с коричневым оттенком, точно давно засохшая кровь.

В пещере Айдар пробудет до утра. С нею будут разговаривать духи. Не всякий из избранных может выдержать это. Целую ночь провести здесь, в жилище духов. Никто не знает, сможет ли дожить до утра. Страх сковывает крепче, чем путы. Избранных не привязывают. Все знают, что убежать невозможно. Бежать некуда. Ни один из улусов не примет несостоявшуюся жертву. Тот, кто убежал, навсегда становился изгоем, и не мог вернуться к людям. Если его находили соплеменники, то его ждала казнь. А если он пытался выжить в одиночку, то с ним расправлялись духи. Одиночество здесь несовместимо с жизнью.

Айдар родилась на берегу холодного голубого Ламу. Хребтом огромного дракона вдоль него вытянулась череда гор. В них никогда не стихают ветра. Летом они, как послушные щенки, лижут каменные вершины, а осенью с чудовищным воем уносят все, что попадает на пути. Ветра особенно сильны с севера Ламу, где в небольшой долине находится улус Айдар. Здесь почти нет деревьев. Лишь кое-где, из расщелин и камней показывают свои пушистые ветки робкие лиственницы. Когда духи гор играют в свои игры, люди прячутся в подземелья. Если непогода застанет путника в дороге, то не миновать беды.

Бывает так, что Ламу борется с драконом и земля вздрагивает от его ударов. Тогда шаман ложится и прикладывает по очереди оба

¹ Аба (*бурят.*) — отец.

² Тэнгри (*бурят.*) — обитатели верхнего мира (Дээдэ замби) вместе с семьями, детьми и внуками (всего 99 тэнгри). Все они имеют человеческий облик. Выделяют 55 добрых (западных) и 44 злых (восточных) тэнгри.

уха к земле. Он хочет узнать, что ожидать от этой борьбы. Если удары затихают, значит, духи успокаиваются. Можно разжигать огонь в очагах и выгонять скот на пастбища.

Ламу собирает дань с тающих ледников, что сверкают на вершинах. Оттого даже в самый жаркий день его воды так холодны, что никто не рискует войти в них. Его невозможно измерить. Все, кто когда-нибудь отправлялся в его глубины, никогда уже не возвращался. Ламу недоволен людьми, второй год засуха и земля покрывается трещинами. Он избрал Айдар для искупления. Если обряд пройдет удачно и жертва будет принята, то пойдет дождь.

Айдар услышала громкий стук. Откуда в пещере мог возникнуть такой звук? Она не сразу поняла, что это звук ее собственного сердца. Оно судорожно билось, точно торопясь отсчитать оставшиеся удары. На какой-то миг ей показалось, что все это всего лишь сон. Что на самом деле, она лежит у очага, укутанная в шкуру, а рядом спит Оюн.

Айдар вспомнился отец. В улусе его уважали, и даже вождь Урхан не смел указывать ему. Он умел в одиночку добыть медведя. Однако Алгы был нелюдим, не участвовал в тайлаганах и избегал дружбы. Он был одиноким охотником — брал с собой лук, пару ножей и уходил. Пропадал неделями и возвращался нагруженный добычей. Иногда не везло, но ему удавалось прожить без помощи других, и он так и жил, на отшибе, даже юрту поставил на краю улуса. Когда Алгы возвращался, счастьем Айдар не было предела. Он приносил ей украшения, которых не было ни у кого в улусе. Он выменивал их на добычу.

По вечерам Алгы пел негромкие песни о тех временах, когда счастье не покидало людей, и они жили в мире с духами. А теперь люди забыли закон духов, захотели жить по-своему и ушли из мест счастья. Теперь люди стараются угодить духам, но не знают, как это сделать. И оттого то и дело преступают закон. Тогда черные тэнгри насылают на людей болезни, голод и смерть.

Айдар нравилось лежать у очага, завернутой в теплую медвежью шкуру, и слушать, как поет отец. Он сшивал шкуры, временами помешивая в костре, и тогда вверх взлетали охапки искр. Из плоской, подвешенной над огнем, доносился щекочущий запах мяса. Отец наливал себе молочного вина и немного брызгал в костер, чтобы поделиться с огнем. Айдар смотрела, как на его лице вспыхивали и гасли

красноватые отсветы. Он был молчалив, и порой из него нельзя было слова вытянуть. Айдар любила его, но все же немного побаивалась.

В один из вечеров они, как обычно, сидели вдвоем у очага. Белоснежный Оюн лежал возле двери, свернувшись калачиком и спрятав черный нос. Алгы сидел слева, на баруун-тала, и натягивал тетиву в неровном свете костра, а Айдар помешивала в тагане длинной деревянной ложечкой молоко. Вдруг огонь заворчал и выбросил вверх искры. Айдар отпрянула, только косички блеснули, а Алгы улыбнулся, глядя на улетающие огоньки:

— Гость пожалует. Сделай чая побольше.

Айдар взяла небольшой кожаный мешочек и не успела еще высыпать в кипящее молоко сухие листочки, как неожиданно Оюн зарычал и вскочил. Дверь медленно распахнулась, и в открывшейся черноте не сразу появилось лицо в белой шапке.

Алгы свистнул Оюну и поднялся. Урхан зашел внутрь и протянул сложенные лодочкой ладони:

— Вечный огонь твоему очагу, Алгы!

— Пусть и в твоём очаге огонь никогда не угаснет, Урхан! — Алгы протянул свои руки навстречу. Айдар поклонилась гостю.

Урхан подошел к огню, достал щепотку соли из маленького мешочка и бросил в огонь. Это было знаком уважения к дому. Из очага брызнули искры. Потом Урхан уселся на подставленную скамеечку. Айдар испуганно сжалась у тагана, не смея поднять глаз. Алгы сделал знак дочери, чтобы она разлила чай. Она подала деревянные чаши; первую, как принято — гостю, вторую — отцу. Отец и гость сели, а Айдар скрылась за занавеской в свою половину.

— Дочь у тебя подросла. Скоро будет как ясное солнышко.

— Пусть будет так, — ответил Алгы спокойно.

Небольшие глаза Урхана, едва выглядывающие из-под нависших бровей, все подмечали в жилище Алгы. Новые шкуры медведя и лося, висающие на баруун-тала.

— Вижу, охота у тебя была неплохой, — произнес он.

— Могла быть и лучше, — отвечал Алгы неохотно. — Я посылал тебе лосиный крестец. Надеюсь, он понравился твоей семье.

— Да, мои дети были довольны, — Урхан хлебнул чая и продолжил. — Алгы, я мог бы день и ночь хвалить твою дочь, твой дом и твою добычу, но я не затем пришел сюда... Ты всегда слишком занят, чтобы прийти на совет. Вот уже семь лет, как ты не приходишь на тайлаган.

Алгы медленно отпил чай, держа чашку обеими руками.

— Все мы помним, что произошло с твоей семьей. Я долго ждал, говоря себе: «Алгы пришлось очень тяжело». Потом я ждал еще, говоря: «Эрлен-хан¹ наслал жестокое испытание, но я верю, что Алгы выдержит». Теперь, когда позади уже семь зим, пришло время вернуться. Ведь так могло быть с любым из нас.

— Нет, Урхан, ты лукавишь, — Алгы молча смотрел на огонь, только желтые огоньки скакали в его глазах как белки. — Такого не произойдет с твоей семьей. Тогда я ушел на охоту, и ты знал, что я оставил Сарюн одну. Когда она заболела, ты велел не подходить к ней. И так было до тех пор, пока я не вернулся. Когда я вошел в юрту; Сарюн и мой сын, которого она кормила грудью, были мертвы. Только Айдар выжила, но и она не могла двигаться от голода.

— Черные тэнгри послали чахотку, которой заболела твоя жена. Алгы, мы не могли пожертвовать своими детьми. Если бы кто-нибудь заразился, то весь улус бы вымер.

— Что же белые тэнгри? Они недостаточно сильны, чтобы спасти всех?

— Значит, ты не придешь на тайлаган? — вопросом на вопрос ответил Урхан.

— Нет.

— Духи земли очень мстительны. Если ты не приносишь им жертвы, ты сам станешь жертвой.

— Духи сильны, — кивнул Алгы, но его лицо осталось неподвижным. — Я могу передать дар через тебя. Урхан, словно и не ожидая другого ответа, осмотрелся и алчно взглянул на медвежью шкуру с разинутой пастью. Допивая чай, Алгы сказал:

— Месяц был полным, когда я добыл его. Шкура должна подойти для праздника.

— Я думаю, духам она понравится, — уже миролюбиво протянул Урхан, поднимаясь. — Мне жаль, что ты не присоединишься к нам...

Когда Урхан ушел, Алгы проговорил насмешливо:

— «Медведь выше полета шамана»².

¹ Эрлен-хан (*бурят.*) — бог подземного мира.

² «Хара гуруоһэн боодоо элюутэй» — такое выражение сохранилось в бурятском языке. В шаманской традиции бурят медведь считался священным зверем; он воспринимался как существо, превосходящее по магической силе любого шамана.

Айдар вытащила из-под шкуры руку и коснулась камня, на котором лежала. Словно тысячелетний холод обжег пальцы. Воспоминание рассеялось, и страх, точно скала, придавил ее сверху. Даже свое дыхание вдруг показалось ей слишком громким. Она постаралась вдыхать и выдыхать как можно тише. Айдар почувствовала себя совершенно одинокой, одной не только в этой пещере, но и на земле. Этой зимой ее отца забрал дух рыси. Охотники нашли возле тела немало ее следов.

Матери Айдар не помнила. Отец Алгы иногда пел о ней песни. В них она всегда была молодой смеющейся девушкой с летящими косами. Когда Айдар исполнилось семь лет, она нашла на горе, что возвышалась над их улусом, небольшое место. В ясный день оттуда можно было разглядеть покрытые голубой дымкой очертания гор на другой стороне Ламу. Айдар как-то спросила отца, знает ли он, что там. Он ответил, что там священная земля, где шаманы общаются с духами.

Когда Айдар было грустно, она приходила сюда разговаривать с духом матери. Отец часто уходил охотиться, и Айдар оставалась одна. Мэдэг заступалась за нее, но она все равно чувствовала себя очень одиноко. На берегу Ламу она находила красивые камни и несла их наверх, к маме. Чайки летали над водой, стремительно пикируя вниз, заметив в прозрачной воде рыбу. Круглые пестрые голыши, похожие на птичьи яйца, куски белого, точно лед, мрамора и плоские серые камни. Она верила, что если донести их на вытянутых руках, то мама обязательно поможет ей. Складывала их друг на друга в небольшую горку, которую было видно издали.

Бесконечно голубой простирался перед ней Ламу. Вверху, в безбрежном голубом море кружила темная точка. Это орел выслеживал сусликов. В тихую безветренную погоду безбрежная лазурь Ламу соединялась с небом. Издавна его звали морем забвения. Не раз Айдар хотелось раствориться в этой воде, в этом бесконечном море, которое поглотит ее печали.

Отец так и не женился с тех пор, как не стало ее матери. Он никогда не жаловался на судьбу, но год назад Айдар услышала, как он разговаривал с матерью, как будто она жива. Алгы стоял на коленях перед ее деревянной фигуркой. В юрте раздавался его тихий голос:

— Я устал без тебя... Наша дочь уже выросла, Сарюн. Я хочу прийти...

Под ногами Айдар хрустнула веточка, и Алгы оглянулся. Айдар не знала, что ей делать. Он подозвал ее к себе, погладил по голове. Когда она посмотрела ему в глаза, она увидела, что они блестят.

Ей показалось, что в бездвижном воздухе пещеры слышно чье-то дыхание, и чьи-то глаза смотрят на нее из темноты. Она старалась не дышать и не двигаться. Камни больно впивались в ее тело сквозь толстую медвежью шкуру, на которой она лежала. Она крепко-накрепко зажмурила глаза, боясь смотреть по сторонам. Ей казалось, что если она оставит хоть одну щелочку, то духи обнаружат ее.

Завтра на рассвете ее духу освободят дорогу. Айдар пытается представить, как это будет. Замрут темные зрачки, замолчит сердце. Неужели это случится с ней? Она сжимает кулаки.

Айдар вспоминает, как однажды отец взял ее с собой на охоту. Впереди бежал Оюн, любимая лайка отца. Они весь день ходили по сопкам то вверх, то вниз, высматривая горных козлов. Айдар уже едва держалась на ногах, когда отец решил идти домой. Алгы поднялся на большой камень наверху горы, чтобы посмотреть с него вдаль, Айдар забралась вслед за ним.

Сопки справа и слева от них казались заросшими мхом. Камни выступали на поверхность, словно выталкиваемые из подземных глубин. Большие изумрудные, желтые, темно-красные цветы лишайников расцветали на них. Сиреневыми звездочками вспыхивал шалфей, прячась среди травы. Впереди расстилался спокойный и величественный Ламу. Ветер успокоился, и зеркало Ламу, обрамленное зубцами гор, было таким же лазурным, как небо над ним. Вдалеке небо соединялось с Ламу. Только приглядевшись, можно было заметить едва заметную синюю полосу, разделяющую их. Алгы оперся на один из камней позади Айдар и тоже смотрел вдаль.

Солнце незаметно опускалось и скоро должно было скрыться. В горах оно исчезает мгновенно. Только что был день, а через минуту уже бледный отсвет сумерек. Когда пришло время уходить, отец легко спустился вниз, по отвесному уступу камня. За ним спрыгнул Оюн. Айдар подошла к краю и посмотрела вниз. Камень был высотой в два человеческих роста. Отец снизу показывал, где она может спуститься, но Айдар смотрела вниз и боялась. Алгы сказал:

— Не бойся, ставь ногу туда, видишь, где содран мох. Я тут спускался.

Айдар поставила туда ногу, но та соскользнула, и она чуть было не упала вниз. Ноги стали нетвердыми, и ей подумалось, что она так и не сможет спуститься. Она смотрела то вниз, туда, куда срывались и падали мелкие камешки, то на отца, который ждал ее внизу. Оюн бегал вокруг, помахивая хвостом-баранкой, и лаял от нетерпения. Айдар надеялась, что Алгы поднимется и поможет ей спуститься. Но отец, не шелохнувшись, продолжал стоять внизу, глядя на нее. Оюн подбежал к скале и несколько раз попытался запрыгнуть. Но его мощные лапы без толку скребли мох. Солнце быстро спускалось.

— Я не могу слезть, аба, — заплакала Айдар и закрыла глаза руками.

— Тогда оставайся, — неожиданно сказал отец. — Солнце скоро зайдет, я не могу тебя ждать, — он поднял с земли мешок, и камни захрустели под его ногами. Айдар отняла руки от лица и увидела, что отец уходит. Оюн залаял, отчаянно царапая землю под скалой. Отец свистнул, и он, немного помедлив, побежал за ним.

— Аба! — задрожало эхо в окрестных скалах. Алгы, не оборачиваясь, шел все дальше, и его фигура становилась все меньше и меньше.

Айдар с ужасом смотрела вслед, она упала на колени и прижалась к краю, глядя туда, вниз, где у подножия напознал серый туман. Из-под ее рук потекли мелкие камешки, звонко чиркая по скале. Он бросил ее здесь. Она ненавидит его, он не мог так поступить. Но что же делать? Она не знала. Айдар представила, что останется здесь навсегда. Она кусала пальцы до кровавых следов. Потом поднялась, бросила взгляд назад, на Ламу. Его голубизна потухала, сменяясь безжизненной тьмой. Она отошла назад, уперлась в скалу, потом разбежалась и прыгнула...

Над ней во всю ширь склонилось большое лицо Алгы, наоборот, так что она видела сверху рот и ниже глаза. Его морщинки и округлые щелочки глаз в темно-синем небе.

— Ты научилась летать, — его глаза были серьезны.

— Зачем ты бросил меня? — в глазах Айдар стояли слезы. — У меня болит нога.

— Нет, — весело сказал Алгы, — у тебя болит крыло. Я хотел, чтобы ты перестала бояться. Тебе надо было слезть. Мы должны вернуться до захода солнца. Боишься ты или нет, есть вещи важнее твоего

страха. Он как зверь, который живет внутри нас. Не бойся его. Страх кусает тебя тогда, когда ты сдаешься.

«Я не могу умереть. Неужели Ламу хочет моей смерти? Ламу, чистый, светлый Ламу, шум которого баюкал меня в детстве?» Сердце билось так, что казалось, выпрыгнет через горло. В голове звенело от тишины. Она становилась все громче и громче с каждой минутой. Окружала, давила на грудь так, что было тяжело дышать.

«Может быть, меня уже нет? Прошла целая вечность, а рассвета все нет... Разве я хочу умирать? Нет, пусть подольше не всходит солнце!»

Вдруг где-то далеко раздался лай собаки. Где-то на краю света от того места, где была Айдар.

«Неужели это Оюн?!» — Айдар словно возвращалась из невероятной дали. Любимый пес пришел за ней, его прислали духи родителей. «Значит, мое время еще не пришло». Она крикнула:

— Оюн! — и стены захлебнулись в эхе, нарушившем обет молчания.

Несколько секунд спустя она почувствовала, как что-то мокрое и теплое коснулось ее лица. Радостно заскулив, Оюн лизнул ее теплым языком. Айдар с трудом поднялась, ноги и руки ее были как чужие, и стала карабкаться по камням к выходу вслед за Оюном, который бежал впереди и хлестал в лицо пушистым хвостом.

Когда они вышли, она едва могла различить горы. И долина и Ламу были покрыты густым туманом. Было холодно. Еще раз взглянула на долину, но ее совсем не было видно. Улус был скрыт туманом. Она потрепала Оюна и они вместе стали спускаться к Ламу. Она знала, что там должна была быть лодка, приготовленная для ее последнего путешествия.

Неподвижный Ламу был весь в оттаявших глыбах. Голубой лед смотрелся еще темным. На берегу лежала лодка с ритуальным веслом. Айдар спустила ее на воду и свистнула Оюна. Тот ловко вскочил внутрь и устроился на носу. Зачерпывая веслом прозрачную гладь то с одной, то с другой стороны, Айдар, не отрываясь, смотрела, как знакомые горы медленно отодвигались от нее.

— Прощай, Мэдэг, — сказала она окутанному серой дымкой улусу. Оттуда был слышен глухой, точно чье-то воспоминание, лай собаки.

Ее час еще не пришел, но те, кто там остались, не смогут понять этого. Сверкнула молния. И вдруг расколол пространство гром. Айдар вздрогнула, а через мгновение обрадовалась: значит, Ламу принял ее жертву.

Здесь, откуда она уплывает, еще царит царство тьмы. Но там, впереди, уже виден рассвет. Оюн сидел и спокойно смотрел вперед, как будто точно знал, что их ждет там, куда они плывут. Айдар с надеждой смотрела на розовеющие вершушки гор с другой стороны Ламу. Она не знала, что будет с ней, но впервые была свободна от своего страха. Духи родителей повелели ей жить, и во чтобы то ни стало, она будет жить. Дыхание свежего ветра касалось ее лица...

